

Международное историко- просветительское и правозащитное общество
«Мемориал»

**VIII ВСЕРОССИЙСКИЙ КОНКУРС ИСТОРИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ РАБОТ СТАРШЕКЛАССНИКОВ
«ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ РОССИИ. РОССИЯ – XX ВЕК»**

ТЕМА «МОЯ РОДОСЛОВНАЯ»

Автор:
Соколова Ольга Алексеевна

г. Томск
МОУ СОШ № 14
11 «А» класс

Руководитель: Ларина
Екатерина Дмитриевна,
учитель истории.

Содержание.

Введение	стр. 1
1. Мои крымские корни	стр. 2-5
2. Такая трудная и долгая дорога	стр. 5-6
3. Сибирь	стр. 7
4. Всё для фронта, всё для победы!	стр. 8
5. Более подробно о Сибирском крае	стр. 9-10
6. Музыкальная жизнь Сибири	стр. 11-14
7. О любимом учителе	стр.14-16
8. Отдельные эпизоды из жизни семьи	стр.16-22
9. Память сердца	стр.22-25
10. Приложение	стр. 26-27
Список используемой литературы	стр.28

Введение.

Выбор такой темы для работы вызван тем, что существуют ещё в моей жизни родственники старшего поколения с богатой памятью, хорошими знаниями. Все эти их воспоминания хочется объединить в одной работе, т.к. описываемые события вытекают одно из другого.

Ещё многие люди старшего поколения помнят, а мы – молодые, знаем, как много изменений внесла в жизнь страны и всего советского народа Великая Отечественная война. Ею были перенесены с запада на восток многие предприятия нашей родины, а с ними и огромное количество людей, уходя от войны, оказались за Уралом, в Сибири. Это были и работники эвакуированных предприятий, и высланные из прифронтовой зоны люди нерусских национальностей: греки, литовцы, евреи, латыши, советские немцы и многие другие. Так получилось, что мои родственники оказались в Томской области, и поэтому я считаю: то, что я родилась в Сибири, напрямую связано с мировой трагедией.

В подготовке этой работы мне очень помогли рассказы моей бабушки, старинные документы и фотографии. А для создания исторической эпохи я воспользовалась книгами.

Моя работа преследует цель воссоздать картину жизни людей, имевших свою родину и любивших её, никогда не думавших о том, что придётся всё это потерять. Но, потеряв её, эти люди смогли привыкнуть и к новым природным условиям, и к новым людям, принявшим их в свою семью, и к новому быту, к другой лексике, другой культуре. Приняв всё это в свою душу, эти люди – мои родственники, которых я люблю, достойно прожили свою жизнь, оставив после себя добрые дела и добрую память. Хорошо, что в нашей семье трепетно относятся к памяти родных и близких, что моя бабушка – Ольга Владимировна, переняв у своей мамы – Веры Ивановны желание и умение к хранению старых документов и фотографий, может передать мне все свои воспоминания и помочь оформить всё это в такую интересную для меня работу.

1. Мои крымские корни.

Родилась я в городе Томске в 1990 году, но мои корни уходят далеко за пределы Сибири. Родина моих далёких предков всех поколений – Крым и Кубань. Более подробно в нашей семье известно о моих предках по линии

бабушки. По этой линии вся моя родословная началась с города Керчи. Мой прапрадед, Пушкарёв Архип Николаевич, человек с примесью польской крови, имел жену Дарью Прохоровну, женщину, имевшую в дальних предках греков. В нашей семье сохранилась фотография прадедушки. Её напечатала моя бабушка уже в Колпашево с разбитого стеклянного негатива, вывезенного из – под бомбёжки в Керчи.

Было это в позапрошлом веке. А в 1913 году у них родился самый младший ребенок в семье из шестерых детей, Пушкарёв Владимир Архипович, мой прадедушка. Прапрадед Архип служил на мельнице мукомолом у хозяина, был богомазом, плавал матросом на корабле, работал портовым грузчиком и был пьяницей. Он мог за бутылку рома перед французской командой, расположившейся на палубе своего корабля, стоящего в порту на рейде, изгрызть зубами в крошку стеклянный стакан, а потом, под одобрительные возгласы матросов, бросивших ему на берег заработанную бутылку, первым глотком спиртного выполоскать изрезанный рот, и, картинно сплюнув в море, осушить бутылку до дна. Дарья же Прохоровна всю жизнь была домохозяйкой при большом семействе.

Прадедушке Володе досталось очень трудное детство. Для помощи семье он крал уголь в порту, чтобы топить печь, собирал на городской свалке обувь и одежду, рыбные пищевые отходы, вывозимые с рыбоконсервного завода. Очень хороши были в этих отходах отрубленные осетровые носы. Ещё для пропитания семьи он с ранних лет нырял в море, чтобы добыть мидий на еду и на продажу. Работа эта для мальчишки трудная: колонии мидий оседают и намертво прикрепляются в несколько слоёв на сваях в порту, или на подводных скалах. Нужно взять с собой какое-то приспособление, чтобы их оторвать, отбить, отделить от этой основы. Когда с тяжёлым пластом мидий выныриваешь из воды и делаешь первый вдох, темнеет в глазах и шумит в ушах. Отлежавшись, прадедушка несёт вместе со своим всегдашним дружкой и помощником, соседом Арончиком Клоссом мидий домой, к матери. Мать отделяет часть мидий для дома, часть отдаёт Арончику, чтобы он унёс их матери, тёте Доре, остальные прадедушка с помощью того же Арончика несёт на базар и продаёт, чтобы в семье были какие-то деньги. Из мидий во всех семьях Крыма готовили плов. Мидий хорошо выскобливали от водорослей,

мыли, затем раскрывали с одной стороны при помощи ножа створки и наполняли перловой крупой, т. к. рис был не по карману. Ставили на ребро в татарский казан, заполнив его на две трети, наливали воду, солили и ставили надолго упревать на огонь. Когда перловка была уже готова, казан оказывался доверху наполненным полураскрывшимися раковинами с разбухшей крупой. В этот последний момент туда вливали со сковороды большое количество жареного в растительном масле лука с томатом, клали лавровый лист и перец и давали ещё немного потомиться с приправами. Прадедущка говорил, что это было очень вкусно: мягкая разваренная крупа в соусе и кусочки сварившейся мидии.

А вообще большое количество жареного лука во всех блюдах в Крыму пришло из местной еврейской и итальянской кухни, т. к. и евреев и итальянцев там до войны проживало много. В более позднее время, уже в Сибири, моя прабабушка готовила блюдо, называемое у них в Крыму "цвыбел-клопс". Оно, это блюдо, густое как соус, тоже из местной керченской еврейской кухни и якобы переводится с еврейского крымского диалекта - "много лука". Состоит из обжаренных крупных кубиков мяса, картофеля и опять же зажарено неизмеримо большим количеством лука с томатом. А еще в еврейской кухне Крыма большое место занимает курица. Курицу всегда покупают на базаре живую, видимо для того, чтобы забить её дома самим "кошерным" способом. Курочка должна быть жирная. Для того чтобы определить степень жирности, покупатель берет курицу в руки, дует ей под хвост. Если под перьями кожа жёлтого цвета – курица жирная, жир просвечивает из-под кожи. Если же цвет кожи голубоватый, такую курицу не берут. Существовал анекдот, привезённый моими предками из Крыма. Старая еврейская дама на базаре выбирает курицу, нашла ту, что ей понравилась, спрашивает продавца: "Сколько стоит ваш паршивый цыпленок?" "Двадцать пять". "Вы говорите – двадцать, берите пятнадцать!".

Родители прадедущки оба умерли рано, в 12 лет он был уже сиротой и стал жить в семье своей тётки, материнной сестры. Жилось так же трудно и бедно, он стал наниматься то в порт палубным матросом, то разнорабочим на мельницу то ещё куда – то... Хорошо, что тётка догадалась собрать справки об этой работе, которая позднее была

СВЕДЕНИЯ				О РАБОТЕ		
№ записи	Дата			Сведения о приеме на работу и увольнении	работу, перемещения по (с указанием причин)	На основании чего внесена запись (документ, его дата и номер)
	Год	Месяц	число			
1	2	3	4	5	6	
				Общий стаж работы по найму до поступления на Жерзевский завод "Воля Труда" и 7 месяцев) 5 лет	Жерзевский завод "Воля Труда" и 7 месяцев	Подтверждено документально стаж 5 лет и 7 месяцев
			Служба в Красной Армии	2 года (звезда)		
1	1930	Август	12	Принят в механический цех завода "Воля Труда" учеником токаря	Жерзевский завод "Воля Труда" механический цех учеником токаря	Приказ по 3-24 №138 от 15/II-30 г.

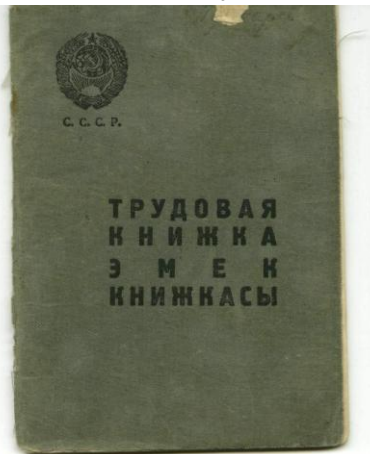
вписана ему в трудовой стаж.

В прадедущкиной трудовой книжке, которая хранится у нас, написано, что 12августа 1930 года он принят в механический цех керченского рыбоконсервного завода "Воля труда" учеником токаря, на котором, кстати,

директором был первый "красный директор" Каштули Василий Константинович, муж старшей прадедушкиной сестры Сарры, грек по национальности. Стаж работы по найму до поступления на завод составлял 5 лет 7 месяцев. Вот и выходит, что трудовой стаж прадедушки начался с 12 лет.

Как интересный факт следует отметить, что в довоенные годы, когда татары были коренным населением Крыма, в школах татарский язык изучался на уровне государственного, а вся деловая документация велась на государственных бланках, выполненных на двух языках.

А в конце 20-х начале 30-х годов в стране начался голод. Появилось много нищих, люди умирали прямо на улицах. Голод катился по стране. Деньги ничего не стоили. Прадедушка Володя у своей тётки в день её зарплаты украл один миллион рублей из одиннадцати, полученных ею и купил на этот миллион себе фуражку, несколько пирожных и одну солёную селедку. Эти годы в стране названы годами "голодомора". Сейчас мы слышим, что парламент Украины требует, чтобы политика правительства в годы "голодомора" была признана политикой сознательного геноцида.

В 1940 году прадедушка женился на молодой женщине 1914 года рождения, Черкасовой Вере Ивановне, очень талантливой во всех отношениях, с красивой внешностью, отличной фигурой, умнице, рукодельнице, по профессии чертёжнице-конструкторе, работающей на Керченском бочарном заводе. Познакомились они в самодеятельном оркестре народных инструментов. Прабабушка играла на балалайке пикколо, прадедушка – на домре. Следует добавить, что выходцем из этого оркестра является народный артист СССР, профессор Московской Государственной консерватории Павел Нечипоренко.

Родители прабабушки Веры Ивановны были тоже люди простые: отец – Черкасов Иван Васильевич, до самой войны добывал под Керчью соль в соляных копиях. А мать – Мария Петровна Москалёва, всю молодость проработала "в людях" нянькой и кухаркой, была домохозяйкой, растившей шестерых детей, озлобившейся от тяжёлой жизни. Она прятала от мужа и детей в огромный кованый сундук с висячим замком чай, колотый сахар и варенье. Сама очень любила чаёвничать. От Бога ей было дано умение к стихотворству, но проявлялось это умение у безграмотной женщины лишь в ругательствах, сложенных в рифму, направленных на детей и мужа. Матерные слова в её лексиконе тоже имели место. И как же развеселило и рассмешило всю семью такое событие: пришло однажды письмо с царскими гербами, на гербовой бумаге, и начиналось оно так: "Милостивая Государыня Мария Петровна Москалёва!.." Вот это всех и развеселило, что мать – сквернослов и матерщинница – "Милостивая Государыня". А далее сообщалось о том, что у

Марии Петровны умер дядя, очень состоятельный человек, о котором она только слышала, но никогда его не видела, и на её долю наследства выпало сколько-то (не один) несколькоэтажных домов с магазинами в Москве. Далее сообщалось о том, как ей следует вступить в наследство. Но вскоре грянул Октябрьский переворот, и наследство "накрылось".

2. Такая трудная и долгая дорога.

А 22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. Прабабушку Веру в августе назначили начальником штаба МПВО объекта бочарный завод "Пролетарий" до самой эвакуации, по 3 октября 1941 года. В трудовой книжке есть запись (с

СВЕДЕНИЯ				О РАБОТЕ		
№ записи	Дата			Сведения о приеме на работу и увольнении	работу, перемещения по (с указанием причин)	На основании чего внесена запись (документ, его дата и номер)
	Год	Месяц	Число			
1	2	3	4	5	6	
				Общий стаж шесть лет	Служ. Запис. 3-месяца.	Годфридсено документы Служ. Запис. шесть лет 3 мес.
1	1938	12	11	Сев. Кавказский завод "Пролетарий" Отдел Главного механика сервисно-конструкторский завод	М. М. во отъезда "Пролетарий"	Приказ по общ. М. П. ВО от 15/12-11
2	1941	VI	5	Жабынская швейная фабрика		

сохранением грамматических ошибок): "Уволена с завода в связи выезда с города Керчи". Прадедущка же с самого начала войны со всем коллективом приступили к демонтажу рыбоконсервного завода и погрузке его в железнодорожные вагоны. В первые же дни войны Наркомом был издан указ об эвакуации предприятий стратегического значения на восток. "Воля труда" было предприятием стратегического значения, т. к. выпускало консервную продукцию, удобную для отправки на фронт. Поначалу погрузка шла в дневное время, но когда немецкая авиация стала совершать налёты на Керчь и бомбить порт, то погрузку ускорили и работать стали и днём, и ночью, не укрываясь в

СВЕДЕНИЯ				О РАБОТЕ		
№ записи	Дата			Сведения о приеме на работу и увольнении	работу, перемещения по (с указанием причин)	На основании чего внесена запись (документ, его дата и номер)
	Год	Месяц	Число			
1	2	3	4	5	6	
3	1941	VI	3	Уволена с завода швейная фабрика Зав. бочарный завод	в связи выезда с г. Керчь	Приказ от 05.12.41 года
4	1942	VII	22	Варшавская в кооперативной форме швейная фабрика Ленинградская область г. Ленинград	переезд в связи с перемещением на территорию г. Ленинград Ленинградская область г. Ленинград	Приказ от 22.07.42
5	1942	VII	11	Уволена по состоянию здоровья		Приказ от 11.07.42

бомбоубежищах. Поясняю, почему железнодорожные вагоны грузили в порту. В то время существовала паромная железнодорожная переправа через

Керченский пролив на Приморско-Ахтарск. Итак, в октябре 1941 года, погрузив всё производственное оборудование и загрузив полный вагон консервов для питания в пути, группа необходимых специалистов завода во главе с директором Чуприной Петром Семёновичем отправились в

долгий, растянувшийся на восемь месяцев путь. Эвакуационные справки были пока выписаны до станции Бертыс Казахской ССР, а там нужно было дожидаться следующего назначения. На станцию Бертыс прибыли уже глубокой зимой. Нужно сказать, что каждый эвакуирующийся специалист имел право увезти с собой точно указанных в справке ближайших родственников. У прадедушки это были жена Вера Ивановна и две её младшие сестры – Любовь и 17-летняя Людмила.

Станция Бертыс вся была забита эшелонами, идущими и на фронт, и в тыл. Стоял там и эшелон какого-то южного винного завода с отличными виноградными винами в цистернах, которые увозили от немцев в тыл. Позднее, тут же, в Бертысе, узнали от вновь прибывающих людей, что те вина, которые уже не было возможности спасти от наступающих немцев, сливали в море. Знаменитые выдержанные в горных вырубках вина Массандры, Коктебеля тоннами сливались в море, а люди, начиная от административных лиц до складских работников, стояли на берегу и плакали.

Но вернёмся в Бертыс. Эвакуирующиеся имели право часть продукции, которую они везут, обменивать в пути на другие продукты питания. Так вот керчане ели свои консервы, и обменивали их же на хлеб у местного коменданта, распорядителя продуктами среди прибывающих людей. Хлеб он, конечно, давал, но при этом очень сердился и кричал: "Война! Понимаешь, война! А клеп (в его произношении - хлеб) – это пулемёт! Это миномёт! Понимаешь?". Ударение в словах "пулемёт" и "миномёт" он делал на первый слог.

Виноделы же, в свою очередь, организовали обмен вина на консервы. За вином нужно было идти со своей посудой, а у керчан не было никакой другой посуды, кроме чайников. Виноделы "отпускали" вино, видимо, по государственной цене, или по какой-то другой, установленной в пути. Короче, трёхлитровый чайник вина стоил 2 рубля 97 копеек. Так "наши" брали консервов на три рубля и приносили чайник вина и отличный новый простой карандаш на сдачу. Откуда-то карандашей у них было много. Прабабушка Вера, чертёжник - конструктор по профессии, оценила их качество. Так за время стоянки в Бертысе в их вагоне набралось 15 штук карандашей.

3. Сибирь.

Наконец, после двухмесячной стоянки в Казахстане, получили направление дальнейшего следования. В трудовой книжке прадедушки такая запись: "Согласно распоряжению Наркомрыбпрома СССР откомандирован в распоряжение Новосибирского Госрыбтреста, рыбпромысел г. Колпашево". В то время в Колпашево существовал рыбозавод, в составе которого был засолочный пункт, холодильник, коптильня и так называемая транспортная база, то есть судоверфь, которая строила весь водный транспорт для вылова рыбы: катера, неводники, мётчики, и др.

Так вот, пока прибывший в марте 1942 года в г. Новосибирск эшелон с оборудованием ожидал вскрытия льда на Оби, специалисты – рабочие уже прибыли в Колпашево и приступили к работе на судоверфи, готовясь к встрече оборудования, которое прибыло баржами в мае. Колпашево стоит на Оби, а рыбозавод – на берегу притока Оби, речушке Матьянге. Отсюда и район Колпашева, где стоит рыбозавод, носит название Матьянга. Очень удобно, что суда с рыбой с Оби заходят в речку Матьянгу и тут же оказываются у здания холодильника, расположенного прямо на берегу.

Началось восстановление рыбоконсервного завода. Прабабушка была зачислена в качестве "...ответственного исполнителя по кадрам...". Эти кадры были – люди из так называемого Сибирского лагеря заключённых, которых согнали на строительство завода. Это были в основном сосланные по политической неблагонадёжности, высланные из прифронтовых районов люди нерусской национальности.

Сокращённо от

"Сибирского лагеря заключённых" этих людей называли сиблаговцами, а местное население в своём просторечье трансформировало это слово в "сиблонцы". Позже, через много лет слово "сиблонец" среди местных существовало уже как ругательное, и уже новое поколение не знало этого и не задумывалось о происхождении ругательства.

Мой прадедушка – единственный токарь по металлу из эвакуированных. После пуска завода из судоверфи перевели ещё одного токаря на рыбоконсервное производство, приняли пару учеников. В 1947 году учеником токаря на станок к моему прадедушке пришел никому тогда неизвестный молодой человек Владимир Турчанис из сосланных латышей. Забегая вперёд, скажу, что году в 49-50 Турчанис уехал в Томск, поступил в музыкальное училище, окончил его в 1954 году по классу сольного пения у педагога Тихомировой Александры Михайловны, а позже стал известен как заслуженный артист РСФСР, долгие годы пел в Пермском оперном театре, бывал в Томске на гастролях вместе с театром.

4. Всё для фронта, всё для победы!

Личный указ Сталина был – восстановить завод за 12 месяцев. При ударном труде работников и рабочих строительство закончили на 5 месяцев раньше. Сами работники с гордостью говорили так: "На 5 месяцев раньше дали продукцию фронту". На всех основных работах были заняты специалисты, эвакуированные из Керчи, то есть не было затрачено время на обучение людей. Приехавших специалистов было много: и рыбообработчики, и соусовары, и работники жестянобаночного цеха, и лаборанты, и начальник консервного цеха Степанида Александровна Нестеренко, для своих – Стеша, громогласная немолодая керчанка, любящая мужскую компанию, любящая приложиться к рюмке, малограмотная, но много лет проработавшая в цехе и досконально знающая своё дело. Она очень похожа на торговку черноморскими бычками, сыгранную Галиной Волчек в фильме "Белеет парус одинокий". Тётя Стеша – член партии, всегда сидит в президиуме на праздничных собраниях. И вот однажды в своей речи с трибуны не то 7 Ноября, не то 1 Мая, не владея классическим речевым стилем, она произнесла: «...Благодаря, товарищи, Гитлера, мы все оказались здесь». Многим показалось, что сказано было с "...благодаря товарища Гитлера..." Прошло много лет, уже после войны году в 50-м тётя Стеша, награждённая Орденом Ленина за доблестный труд, вернулась в Керчь, а эта фраза, как анекдот, передавалась из уст в уста.

Когда завод был ещё в Керчи, инженером по рыбоконсервному производству там был наш родственник грек Христофориди Харламбий Георгиевич, которого, естественно, с первых дней войны выслали со всей

семьёй и отправили в Сибирь, в село Александровское на севере Нарымского края на лесоразработки. Семья его была такова: мать – Христофориди Деспина Георгиевна, жена – Евгения Фейзопуло – Христофориди и младшая сестра красавица Афродита Христофориди.

Когда ему стало известно, что его родной завод эвакуирован и восстановлен тут же недалеко, в Колпашево, он обратился лично к Сталину и попросился на своё место на заводе, т. к. и Александровское, и Колпашево – места высылки, а на заводе, досконально зная производство, он принесёт большую пользу. Его просьба была удовлетворена, и он со всем своим греческим семейством приехал в Колпашево, в свой коллектив, и находился там вплоть до 1956 года, до тех пор, когда все сосланные были "откреплены от комендатуры", так это называлось тогда. Много людей уехало из Колпашево сразу – венгры, латыши, евреи, немцы...

5. Более подробно о Сибирском крае.

Следует отметить, что многие учителя, врачи в годы Отечественной войны были эвакуированы из европейской части страны, в том числе из Ленинграда, их высокая культура, в полном смысле этого слова, вызывала всеобщее уважение населения северного города.

Некоторая часть специалистов разных профессий в 1941 году, в самом начале войны была направлена в Колпашево из других городов тогда обширной Новосибирской области. Руководство страны в трудное время стремительного отступления Красной армии, несомненно, опасалось возможных взрывов со стороны населения, основную часть которых составляли так называемые кулаки. Направляемые в Колпашево коммунисты и вообще активисты, вместе с НКВД и ГПУ, должны были предотвратить возможные эксцессы.

Колпашево расположен на правом, высоком берегу Оби. Высокий обрывистый берег реки в Сибири называется – яр (на фотографии видна только третья часть этого яра) Обь всё время подмывает этот берег, и яр обваливается и обваливается: смываются в реку дома, огороды... А где-то в период с 1976 по 1979 год страшное событие облетело всю страну, наверное, не только нашу. Обь добралась до территории бывшего

НКВД – позднее это была просто городская милиция – и стала вымывать из яра сотни трупов с пулевыми отверстиями в черепе... Тут и перекликнулись наше местное название – яр и известный всему миру Бабий яр.

Население довоенного Колпашева – охотники - промысловики на белку, соболя, колонка, боровую и водоплавающую дичь, охотники-медвежатники, рыбаки; белку бьют в глаз, медведя поднимают из берлоги. Руку нужно иметь твёрдую, меткую. Это про одного такого охотника написал В.Высоцкий в своём стихотворении "У Доски, где почётные граждане...":

*...Раньше оба мы были охотники -
А теперь на нас ватные потники
Да потёртые подлокотники!*

*Я в Сибири всего
Только соболя бил, -
Ну а друг - он того -
На медведя ходил.*

*Он Колпашевский – тоже берлога! -
Ну а я из Выезжего Лога.
И ещё (если друг не хитрит):
Белку в глаз, да в любой, говорит...*

В Великую Отечественную войну из таких сибирских охотников набирали снайперов.

Дома, избы Колпашева – деревянные, огромные огороды, засеянные картошкой, капустой, за "оградой" каждого двора – поленицы дров, у ворот со стороны улицы – жердяные стойки для просушивания рыбацких

сетей. На голове у многих – накомарник, сделанный из куска старой рыбацкой сети и пропитанный дёгтем. Это защита от гнуса. Гнус – это комары, мошка, пауты, слепни... У входа в каждую стайку и у крыльца в избу курятся дымокуры. Это чтобы гнус не залетал в стайку к скотине и в избу. В старом ведре надо разжечь костерок из щепок, и когда он разгорится, навалить и периодически подбрасывать в него свежую траву. Будет много дыма, тление будет продолжаться долго. Это хорошее спасение от гнуса.

6. Музыкальная жизнь Сибири.

Оркестр народных инструментов бочарного завода «Пролетарий»

Так в этот край попали переброшенные войной люди. Группа эвакуированных азово – черноморцев – так они называли себя – обрушились на

тихий сибирский городок как лавина со своим южным темпераментом, европейскими привычками, речью, южным "г", громкоголосьем и непрерывным пением. Да и понятно – ведь Керчь – город южный, певучий, музыкальный. Как рассказывал прадедушка, в Керчи какой-нибудь мальчишка-босьяк бежит с моря домой с низкой ставридки, и напевает "...мальчик резвый, кудрявый, веселый...", из "Свадьбы Фигаро". А нищий в керченском порту не просто стоит с протянутой рукой и с закрытыми глазами, изображая слепого, а хорошим басом поёт, с примесью украинского языка: "Дайте, дайте не минайте, а хто минэ – того холера забэрэ". Моя прабабушка, с утра занимаясь домашними делами, поёт в полный голос, как можно петь в своём доме. Это или "Не брани меня, родная", или "Соловей" Алябьева, или "Помню, я ещё молодухой была" и т. п. Соседок – сибирячек это и удивляет и раздражает, вызывает неприязнь. "Чё она распелась?" - спрашивают у бабушки, маленькой девочки. Постепенно привыкли. Отец, когда рыбозавод был уже восстановлен и понемногу стал обзаводиться "культуринвентарём", принёс домой выданные ему под расписку в "Красном уголке" аккордеон, домру и балалайку. "Красный уголок" - это на любом предприятии помещение, являющееся центром политической культуры. Туда можно было зайти почитать подшивку газет, познакомиться с брошюрой с речью какого-нибудь члена партии и правительства, с новой речью Сталина, полистать другие журналы. Там же хранились на рыбконсервном заводе и музыкальные инструменты. Из предыдущего моего повествования уже понятно, что на струнных инструментах играть прадедушка был мастер. Музыкального образования он не имел, но от природы был очень музыкален и имел отличный слух. Вечером после работы прадед до поздней ночи музицировал. В то время это было единственным развлечением. Звучали "Мазурка" Венявского, вальсы Андреева, венгерские танцы, старинные русские романсы, отрывки из популярных довоенных оперетт, произведения, исполняемые Петром Лещенко, Александром Вертинским, Вадимом Козиным... Много чего звучало в эти вечера. Если было лето, то из кухни в сени выносилась керосиновая лампа. Она освещала и маленькие сени, и крылечко в одну ступеньку, и часть небольшого двора. Приходила пара соседей послушать, рассаживаясь на табуретках перед крыльцом, на колоде для рубки дров. Обязательно приходил сосед Александр Яковлевич Шнейдер, уже старик, высланный с семьёй немец из Саратова, очень высокий, худой, туберкулёзный, с пышными усами и шевелюрой полуседых волос, с тростью. Он очень похож на Максима Горького. Его все звали просто – дядя Саша. Дядя Саша обычно просил: "Володя, поиграй на аккордеоне". Прадед, как человек музыкально одарённый, самостоятельно разучил на этом инструменте песню "На полянке возле дома светит жёлтая луна...". И больше ничего другого. Дядя Саша это знает, но разговора о том, что коме этой песни ничего не прозвучит, не возникает.

Моей бабушке, воспоминания которой я сейчас пишу, прадедушка и прабабушка с ранних лет старались передать музыкальные познания. Так что в 4-5 лет она, качаясь на качелях, изо всех сил распевала арию Розины из "Севильского цирюльника" и прочее. Да и сейчас бабушка помнит мелодии

практически всех советских песен довоенных и послевоенных лет, опереточные и оперные мелодии. Сразу после окончания войны, когда люди немного успокоились от тревог, все эвакуированные горячо взялись за организацию самодеятельности. В самодеятельность вовлеклись некоторые люди из местного населения, организатором и ответственным лицом сделали Харлампия Христофорида, свои называли его просто Пико. К этому времени его сестра Афродита вышла замуж за молодого человека, хорошо игравшего на аккордеоне. Теперь она была Афродита Городович. Ещё тут был вышеупомянутый Владимир Турчанис. Место для занятий выделили в клубе имени С.М. Кирова. Старый гараж пожарных машин на Матьянге, отданный под клуб, был разделён на кинозал, "фойе", маленькие сени и комнату для кружковых работ. В этой комнате и репетировали самодеятельные артисты. Пико Христофорида, отличный балалаечник, ещё и замечательный организатор. Он быстро создаёт струнный оркестр (домры, балалайки, гитары), небольшой хор, нашёл певцов – солистов, декламаторов. Концерты давали и у себя в клубе, и в Колпашево, т. е. в центр города. Большим событием был концерт на "радиоузле", так в то время называли городскую радиовещательную точку. Готовились тщательно, репетиции проводились после работы каждый вечер. И концерт состоялся. Моей бабушке было тогда лет пять. Она рассказывает, как они со своей мамой, т. е. с моей прабабушкой Верой и полугодовалым братом в нужный момент включили чёрный послевоенный картонный репродуктор и в назначенное время после долго положенного треска и шипения объявляется концерт художественной самодеятельности из клуба имени Кирова. Декламирует стихи Афродита Городович:

*...Закон, по которому солнце восходит,
Закон, по которому степь плодородит.*

Всё идет гладко, но вот исполняет пению "Летят перелётные птицы" Владимир Турчанис. От волнения забывает слова и в месте "...не нужен нам берег турецкий, /Чужая земля не нужна" быстро находится и, после мгновенного замешательства поёт "...Не нужен нам берег турецкий,/ И в Африку мы улетим".

Вскоре после этого события коллектив был направлен в Томск на олимпиаду самодеятельных коллективов. Вернулись с грамотами.

Постепенно стали возвращаться в Керчь эвакуированные. Но остались ещё люди, которые были высланы, их освободили от "комендатуры" гораздо

позже. И они продолжали нести музыку в народ. Например, в средней школе №4, которую окончила моя бабушка, преподавала пение Мария Карловна Розенберг. Вот выдержка из статьи моей бабушки в книге "Колпашевский район. Прошлое и настоящее"...Это седая пожилая дама из сосланных латышских евреев. Интеллигентная, говорящая с акцентом, Мария Карловна среди местного населения выделяется всем: и лёгким белым пыльником, и лёгкой шелковой косынкой на шее, и светло-коричневым лакированным портфелем в какую-то шишечку, и медленной походкой. Вот она проходит по Матьянге на работу, полная, видная, из всех "оград" с нею здороваются и знакомые, и незнакомые. У незнакомых людей, видимо, возникает желание прикоснуться к чему-то светлому, чистому, высокому, а в условиях жизни сибиряков тех времён, среди огородов с картошкой, развешанных сохнувших сетей, огромных куч навоза со стаями жёлтых навозных мух, накомарников, пропитанных дёгтем, надетых на каждую пятую голову, Мария Карловна как раз была тем самым светлым, чистым и высоким. Во второй половине дня она проходит по Матьянге обратно, домой. По дороге собирает в газетный кулёчек грибы дождевики, в изобилии растущие вдоль улицы. Это белоснежные шарики, которые местное население считало поганками. Теперь и мы знаем, что эти грибы очень даже съедобны".

Так вот, об уроках пения. Уроки эти проходят в общем школьном коридоре сразу у всех начальных классов. Их всего четыре. Все дети сидят на деревянных диванчиках. Мария Карловна сидит за старым, выдавшим виды фортепиано. Она прекрасная пианистка. Перед детьми учительница одного из этих классов – Анохина Александра Георгиевна, у неё очень красивое сопрано и хороший слух. Вдвоём с Марией Карловной на два голоса они поют ту песню, которую хотят с детьми разучить. Песни не программные для начальной школы, а те, которые подбирают для учеников эти талантливые женщины. Мария Карловна, видимо, и не педагог по образованию, а, скорее всего, концертмейстер, потому что уж очень гармонично, верно звучал аккомпанемент в её исполнении. Ну и пели они прекрасно: у Марии Карловны – контральто. Она хорошо подбирает вторую партию. Уехала она из Колпашева после открепления от комендатуры домой в Ригу в начале пятидесятых, а помнит моя бабушка её до сих пор, уже пятьдесят с лишним лет.

В 1954 году прабабушка Вера Ивановна начала преподавать в школе техническое черчение, труд и стала на целых 15 лет бессменным председателем родительского комитета школы. Она нашла себя в педагогической деятельности. В 1958 году школа создала так называемый "Фонд всеобуча". Сейчас, наверное, такого фонда не существует, а в то послевоенное время из средств "Фонда", который пополняли шефствующие над школой предприятия, покупали детям – сиротам и детям из бедных семей валенки, одежду, обеспечивали горячее питание. Одним из источников "Фонда" стал организованный родительским комитетом по инициативе председателя – моей прабабушки, платный концерт в школе. "Артистами" были и учителя, и учащиеся, и родители, и не имеющие отношения к школе люди, обладающие теми или иными талантами и приглашённые принять участие в акции. Такое

событие в городе было впервые. В спортивном зале была сооружена сцена. Зрители переполнили помещение.

Вот что было написано в районной газете "Советский Север" после концерта: "Около трёх часов длился концерт. Просмотрели две пьесы: водевиль А. П. Чехова "Медведь" и сатирическую сценку Ласкина "Вопрос о воспитании".

Богата и разнообразна была музыкальная часть концерта: арию Жермона из оперы Верди "Травиата" исполнил Пётр Терентьев, работник рыбокомбината, старинный романс "Глядя на луч пурпурного заката" исполнил сварщик судоверфи Александр Терехов, Владимир Гребенников, (капитан рыболовецкого судна - примеч. автора) прекрасно исполнил "Элегию" Массне (...)Этот вечер - весьма полезное мероприятие в решении общей задачи семьи и школы – воспитывать эстетические чувства у учащихся".

К тому времени, когда разъехались все эвакуированные и высланные люди, уже стала подниматься на более высокий уровень культурная жизнь города. Построили кинотеатр, Дом культуры "Рыбник", принадлежащий рыбоконсервному комбинату, открылась музыкальная школа, в 1964 году созданся народный хор, получивший позднее звание "академический".

7. О любимом учителе.

Ещё об одной судьбе хочется рассказать. Во время войны в Колпашево была выслана семья Рабинович. В ней был мальчик Иосиф, лет десяти - двенадцати. К тому моменту, когда уже можно было вернуться домой в Ригу, Иосиф в Сибири получил образование и остался преподавать математику и физику в той же школе №4, о которой речь шла выше. У моей бабушки он был

классным руководителем в девятом и десятом классах. В школе он носил кличку "Рядиус" из-за его еврейского произношения звука "р". Иосиф Борисович был молод, но своенравен, груб с лодырями, беспощаден с тупицами, но пользовался у ребят огромным авторитетом. Его любили за незаурядный ум, педагогическую смелость и независимость в педагогическом коллективе. Он

переработал большую тему по алгебре "Иррациональные числа", заказал на свои деньги в местной типографии на каждого ученика брошюру с этой разработкой, раздал ученикам, не взяв с них ни копейки, и сказал: "Эту тему будете учить по моей книжке. А ерунду (ерунду) у Киселёва даже не читайте".

Он женился на учительнице географии из этой же школы, женщине старше себя лет на семь, т. к. выбор молодых невест был ограничен. У них родилась дочь Лиля. Однажды, когда жена, завезя дочь к матери, уехала на курсы

усовершенствования в г.Томск, на две недели, Иосиф Борисович сильно заболел. Все знали, что он находится один, без помощи, не приспособленный к бытовым заботам и класс решил поднять его на ноги. В первой же партии "сиделок" оказалась моя бабушка. Их пошло шесть человек. Из дома принесли муки, рыбы – а в Колпашево рыба своя в каждом доме. Картошка у больного была, ещё что-то было. Мальчишки накололи дров, натопили печь, девочки нажарили рыбы, наварили картошки, напекли оладий, сделали чай. Сели обедать, конечно, вместе. И этот человек, всегда несколько высокомерный с окружающими, всегда чувствующий себя не в своей среде, видимо настолько проникся благодарностью и доверием к присутствующим, до такой степени свершилось единение еврейского интеллигента с детьми сибирских рыбаков и охотников, что из шкафа он достал бутылку с небольшим количеством водки и разлил её своим ученикам граммов по двадцать. Это было в то время очень опасно – учитель поит своих учеников. Но он даже не попросил ребят о молчании. Затем, пока убирали со стола, мыли посуду, закрывали трубу в печи на ночь, он достал аккордеон и очень профессионально начал наигрывать. Моей бабушке не терпелось показать, что она знает музыку и она спросила: "Это "Чардаш" Монти?" "А ты откуда знаешь?" - последовал вопрос. Бабушка стала рассказывать о своих родителях, о Крыме, о знании музыки, о том, что она аккомпанирует на гитаре играющему на домре или балалайке отцу...

Иосиф Борисович выздоровел, вернулся в школу, а в конце учебного года сказал, что выпустив свой десятый класс уезжает в Томск с женой и дочкой. Хочет получить ещё какое-то образование в университете. Ещё позже он работал в Новосибирском Академгородке, а когда бабушка ездила в Колпашево на вечер встречи выпускников, узнала, что Иосиф Борисович Рабинович уехал в Израиль. Жена отказалась ехать с ним. Это известие она узнала в 1985 году, долго недоумевала и где – то даже возмущалась. Ощущение было такое "...мы его так ценили, а но вон как поступил". Но потом пришло осознание в её немолодую и умную голову "А что, собственно, произошло? Всё верно, всё правильно".

Поступив в Томске в педагогическое училище в 1960 году, она сняла комнатку на улице Фрунзе, 36 в еврейской семье у не очень молодой пары Семёна и Доры Плац. У них было двое детей – первоклассник Боря и дошкольница Мара. Мара была капризной, а Боря - непослушным, и когда Боря задирали Мару, Дора кричала: "Боря, убью в куски!". Русским языком она владела неуверенно. Так вот в первые же дни проживания моей бабушки в семье Плац Дора спросила, нет ли там, где она жила, т. е. в Колпашево, знакомых евреев. Бабушка сказала, что на рыбоконсервном заводе начальником производства работает еврей Голов, что в Колпашевском подразделении Томгосрыбтреста работает Воробейчик, а в школе был классным руководителем Рабинович, но сейчас он в Томске. И они начали поиски Рабиновича через какого-то очень солидного преподавателя университета, своего знакомого, который при бабушке приходил на парадный обед к Плацам со своей супругой. Чем увенчались эти поиски, бабушка уже не успела увидеть, т. к. ей неожиданно дали комнату в общежитии и она уехала из этой, в общем-

то, приятной семьи, где Дора учила её готовить рагу из баранины, а Семён, работая рубщиком мяса в гастрономе, покупал ей мясо подешевле и получше.

Мои множественные наброски не складываются в связный рассказ, уж больно их темы различны. Поэтому следующая глава повествования называется...

8. Отдельные эпизоды из жизни семьи.

1). Первые годы – самые трудные.

Оставшись в Сибири, бабушкины родители привыкли к ней и полюбили. Сразу после войны, конечно, было очень трудно и голодно. Жили в маленькой квартирке в доме барачного типа. Не было вторых оконных рам чтобы утеплиться на зиму. Дров им, приезжим, взять было негде. Всё лето прадедушка ходил в лес и в поле с двухколёсной хозяйственной тачкой корчевать пни для топки печи. Пни смолистые, но корявые и сырые, их нужно долго сушить на солнце, а потом уже рубить. Рубить их очень сложно, настолько они корявые. Просто топором не разрубить. Прадедушка сделал в своём механическом цехе штук пять металлических клиньев и тяжёлую кувалду. Вечером после работы, поев и немного отдохнув, прадедушка выходил во двор рубить пни. Сделав поверхностный надруб топором, вставлял в эту щель клин и начинал бить по нему кувалдой. Моя бабушка и её мама всегда выходили на крыльцо, усаживались и смотрели на эту работу. Зрелище замечательное, т. к. с каждым ударом металла о металл из - под кувалды летят снопы искр и целые всполохи огня. Это было очень красиво в летние сумерки. Некоторые пни бывали подгнившими, и когда нарубленные куски заносили в дом и складывали за печку, всё запечье в темноте полыхало зелёным фосфорисцирующим светом от микроорганизмов, вызывающих гниение древесины. Добытых таким трудным способом дров, конечно, было мало и печь замой протапливалась слегка только для того, чтобы приготовить немудрёный ужин. Приходилось и зимой выезжать в поле за топливом, но это было очень тяжело: снег в Сибири – по пояс, найти что-то в снегу – нужно очень потрудиться. Однажды прадедушка заблудился в лесу и уже почти ночью прабабушка побежала к Христофориди звать на помощь. Вся их семья вместе с женщинами пошла в лес, прабабушка осталась дома, т. к. у них был ещё маленький ребёнок Игорь, родной брат моей бабушки. Через некоторое время привели домой промёрзшего прадедушку.

А по воскресеньям прадедушка брал с собой маленькие санки, складывал на них остатки того, что привезли с собой в эвакуацию: бабушкино красиво вышитое бельё, постельное бельё, и вёз на базарчик в город поменять на какие –нибудь продукты. Часто возвращался ни с чем, а однажды привёз свиную требуху. Прабабушка стала срочно мыть её и чистить, затопила уже в сумерках печь и стала варить этот продукт, который распространял по дому очень неприятный запах. Взрослые поели, а бабушка в этот вечер легла спать

голодная. Таким образом семья так обеднела, что у них на двоих взрослых были одни валенки, старые, растоптанные, в заплатках, и в туберкулезный диспансер на приём прабабушка ходила зимой в резиновых ботиках и в пальто с высоко поднятым воротником без платка, т. к. его не было – обменяли на продукты.

2). Как крестили брата.

Моя бабушка помнит, как крестили её младшего братика Игоря, которого я упомянула выше. Во – первых, нужно сказать, что это было очень опасно – связываться с церковью, когда вся страна – атеисты. Но прабабушка, тоже ярая атеистка, весьма "прогрессивная женщина", как любил шутить прадедушка, написала письмо в церковь, находящуюся в пригородном посёлке Тогур, с просьбой, чтобы батюшка приехал и окрестил пятерых ребятишек вместе с соседскими. Через несколько дней приехал батюшка, довольно молодой мужчина, привязал свою лошадь у двора прадедушки и прабабушки, дал ей сена, находившегося в кошеве (выездная открытая повозка), зашёл в дом, широко перекрестился на висящую на стене фотографию оркестра народных инструментов и, пока прабабушка бегала за соседками с детьми, завёл очень оживлённую беседу с моей бабушкой о предстоящем Новом годе, о ёлке, о морозе. Скоро пришли соседи с детьми и начался обряд крещения.

Хочу сказать, что в обряде присутствовал такой момент: батюшка отрезал ножницами у каждого ребёнка маленький пучочек волос и крёстный, держащий ребёнка на руках, снимал со своей свечи оплавившийся воск, скатывал в шарик вместе с этими волосиками и бросал в купель. У всех детей этот шарик поплыл, а у бабушкиного брата Игоря – утонул. Батюшка, слегка смутившись, сказал, что, наверное, много волос он отстриг. А все знали приметку, в которую прабабушка, конечно, не верила, что этот ребёнок не проживёт долгую жизнь. Моя бабушка вспомнила об этом только теперь, когда помогала мне писать эту работу, а брат её Игорь, любимый и единственный, умер сорокапятилетним 12 лет назад от инфаркта.

3). Природа Сибирского края. Об охоте и рыбалке.

В те же ещё довольно трудные годы – конец пятидесятых, прадедушка очень пристрастился к охоте на водоплавающую дичь и ловле рыбы на удочку. Постепенно завёл себе целое рыболовное хозяйство: изготовил из черёмуховых молодых тонких стволов удилища, приобрёл крючки, целую бобину тонкой суровой нити (лески и капроновой нити ещё не было), грузила и поплавки сделал сам. Когда бабушка подросла, он стал брать её с собой на рыбалку. С вечера упаковывали банку с червями, сматывали удочки, готовили бутерброды и термос с чаем. Поднимались ночью часа в четыре. Наскоро пили чай и шли к речке, к Матьянгу. На своём обласке переплывали Матьянгу, прикалывали обласок на берегу и пешком шли уже вдоль обского берега на старицу. В небе начинала разгораться заря. Весь остров зарос сочной, темно-зеленой травой, она влажная от росы. Где – то в лугах еще не умолкли ночные птицы. Вдруг в стороне слышится металлический звон и лошадиное фырканье. Подняв глаза, можно увидеть пару стреноженных лошадей, щиплющих траву – это на их ногах позвякивает тонкая цепь. Пастухи, ночующие в лугах со стадом коров,

ещё спят, и коровы отдыхают, а лошади уже пасутся. Идешь дальше и видишь: в одном месте заросли расступились и в свете зари блеснуло маленькое озеро с ярко - красной от света поверхностью, а по нему, оставляя переливчатый след, медленно плывут две утки, изредка опуская в воду голову по самую шею, а потом, запрокинув её, проглатывают свою добычу. Бабушка с прадедушкой доходят до места, бабушка быстро собирает сушняк на костерок. Он вообще-то и не нужен, но для 14-15-летней девчонки это романтика. Прадедушка размотал удочки, насадил наживку, забросил. Начинается утренний клёв. Стайки рыбок выпрыгивают из воды, шлёпаются обратно, "убегают" от щуки, которая так же выпрыгивает с большим шумом и с шумом же ныряет обратно в воду. Погоню эту можно наблюдать долго: Скачущих рыбок уже не видно, а щука видна издали. Ловятся ельцы, чебаки, окуни, ерши. На большие крючки с металлическими поводками попадаются 2-3 щуки. Щук прадедушка перекладывает травой, оборачивает мешком и домой несёт подмышкой. Мелкой рыбы набирается литров 10-15, её несут в самодельных, сделанных из десятилитровых жестяных банок из – под томатной пасты, купленной в рыбокомбинатовском киоске за копейки. В этом же киоске сразу же после войны продавали так называемое "обжарочное" масло. Вся Матьянга питалась им. Это выносили на продажу с рыбообжарочного участка растительное масло, в котором перед этим обжарили порций 5 – 6 рыбы, панированной в муке. Горелая мука оседает на дне банки, само масло тёмно-коричневое, пахнущее жареной рыбой, да ещё не нужно забывать, что было оно не дезодорированное, как сейчас. Но другого не было, и этим маслом и борщ зажаривали, и оладушки на нём жарили. В этом же ларьке тоже после войны продавали рыбные головки на еду населению. Обычно на продажу шли карасёвые и язёвые головки, язёвые были вкуснее.

А весной и осенью дедушка ходил на охоту. Сначала, когда своего ружья не было и приходилось его у кого-то просить, ходил только на вечернюю зорьку на болота, которых вокруг Колпашево – изобилие. Позднее прадедушка купил двуствольное ружьё Ижевского оружейного завода, "ижевку", как сами охотники называли, и ещё позднее – "тулку" - ружьё тульского оружейного завода, тоже двуствольное. Поскольку прадедушка был токарь по металлу, а прабабушка чертёжник – конструктор, дома часто употреблялось слово "втулка", есть такая деталь в различных механизмах. Так вот моя бабушка всю детство думала, что ружьё называется "втулка".

Бабушка ездила в город в магазин, который среди охотников называли "охотсоюз", по прадедушкиному охотничьему билету покупала положенное количество дроби, пороха. Порох был дымный и бездымный. Сейчас бездымный порох по внешнему виду напоминает бабушке чай "матэ", выращиваемый в Латинской Америке. Когда не было в продаже дроби, её делали сами. В сосновом брусочке шириной примерно 6 сантиметров нарезали 3 – 4 дорожки нужной ширины, например, самой популярной дробью была дробь №3, т. е. дробина имеет диаметр 3 миллиметра. Вот для этой дроби дорожки были шириной 3 миллиметра. В эти дорожки заливался расплавленный в жестяной банке свинец, который легко плавится на керогазе.

Когда эти свинцовые "палочки" остынут и застынут, их обычным ножом режут на кусочки длиной 3 миллиметра. Эти кусочки ссыпают в чугунную сковородку, сверху ставят ещё одну и начинают вращать. Свинец металл мягкий, очень быстро укатывается в шарики, правда шарики с углублениями, трещинками по бокам, часто кривоватые, но это уже дробь. Был среди охотников инвалид без обеих ног, фронтовик. Ноги отсутствовали выше колен. Звали его Иван Калинин. По улице он передвигался на четырёхколёсной тележке, низенькой, даже пониже детских санок. Сидя на этой тележке, он отталкивался от земли руками, одетыми в толстые рукавицы с кожаным покрытием. Ездил он очень ловко, и, напившись пьяным, очень шустро гонял по дому свою жену. Так вот этот Иван, делая дробь, садился в верхнюю сковороду и, вращал задом. Конечный продукт – дробь – выходил у него отличного качества, лучше, чем у других.

Когда прадедушка садился заряжать патроны, никто не должен был к нему подходить, считалось, что это опасно, хотя прадед работал очень осторожно. Сначала нужно в пустую патронную гильзу 16 калибра осторожно вбить молотком капсюль. Когда всё запланированное количество патронов уже заряжено капсюлями, всыпается мерка пороха, вдавливаются картонный пыж. Затем всыпается мерка дроби и вдавливаются уже войлочный пыж. Этих пыжей в любой охотничьей семье можно было нарубить сколько угодно, поскольку вся Сибирь в те годы ходил в войлочных валенках. Валенки ставили на ночь сушить на протопленную печь, а то и клали их в духовку. Печи были сложены из кирпича, топка, естественно, находилась в кухне, а нагревающаяся часть печи, где находился дымоход, её называли щитом, выходила в спальню или в "горницу". Около щита обычно ставили кровать или топчан, чтобы было тепло спать. Так вот в щит была вделана духовка. В неё и клали валенки, или кошка забиралась спать в тепле. Очень часто, начиная топить печь, хозяйка забывала, что в задней комнате сохнут валенки, и обнаруживалось это только когда в доме начинало пахнуть палёной шерстью. А то бывало, и тоже очень часто, что духовку закрывали на задвижку, а там спокойно спала кошка. И когда раздавался ужасный вой в доме и грохот в духовке, разносился запах горелой шерсти, сломя голову бегут открывать духовку и "спасать" валенки; кошки же пулей с воем выскакивают сами и просятся на улицу. Вот по этому у многих сибиряков валенки были с рыжими подпалинами, а кошки хроменькие.

Но закончу про охоту. Набив патронтаж патронами прадедушка готовил для похода на охоту на несколько дней старое ватное одеяло, мешок с чучелами уток, скрадок из рогожи, сумку с немудрёной едой, надев резиновые бродни, тёплую фуфайку, взяв весло для обласка, навьюченный прадедушка уходил на охоту дня на 3–4, смотря сколько получил отгулов. Обычно ехали на охоту несколько человек вместе – прадедушка, Христофорида Пико, Романенко Евгений Данилович, приехавший в Колпашево уже после войны, а в войну он плывал по Чёрному морю на быстроходном катере с названием "Шестисловие Сталина", перевозя грузы стратегического значения.

В назначенный день прадедушка возвращается с охоты – уставший, загорелый, искушенный гнусом, приносит добычу – от двух до тридцати уток.

Прабабушка их ошипывает, опаливает на костерке из щепок, и несёт на хранение на ледник к соседям. Холодильников в стране не было, а всем сибирякам нужно хранить летом рыбу, уток, молоко, сметану. Ледник делают так: выкапывают глубокую прямоугольную яму, заполняют её соломой до половины. В конце зимы намораживают много льда в оцинкованных старых ваннах, ведрах. Сбрасывают лёд в яму с соломой, сверху засыпают соломой, укрывают ватными фуфайками, одеялами. Делают над ледником земляную насыпь повыше и двойную деревянную крышку. Спускаться в него не нужно. Можно лечь на край ямы и дотянуться до кринки с молоком, до мешка с рыбой.

Когда моя бабушка была уже девушкой, вся семья часто садилась в лодку с вёслами и уплывала подальше от города, туда, где по весне буйствуют в белоснежном цвете заросли черёмухи. Во время разлива Матьянги затапливается вся прибрежная зона вместе с черёмуховыми зарослями, и в них, в эти заросли можно въехать на лодке, как в шатёр, остановиться и сидеть тихо: слушать как в кронах гудят сотни пчёл, потом, после прогулки наломать букет цветущих веток и вернуться домой. В Сибири в те времена черёмуховые ягоды были очень популярны, невзирая на то, что эта ягода имеет крупную косточку с запахом горького миндаля. Но ягоды собирали ведрами, сушили на солнце, тонко перемалывали вместе с косточками и пекли пироги. От своей свекрови бабушка переняла рецепт очень вкусного пирога, который никогда ни у кого не ела и не слышала о таком. С бабушкиного разрешения делюсь этим рецептом:

На противень кладёте раскатанный слой сдобного дрожжевого теста, сверху кладёте начинку из творога подслащённого и приправленного сырыми яйцами и ванилином, поверх творога – слой запаренной и хорошо сдобренной сахаром молотой черёмухи. Закрываете пирог "решёткой" из теста и выпекаете. А когда остынет – в каждое окошечко на поверхности пирога вливаете сметану с сахаром. Дождитесь, когда сметана загустеет и перестанет течь и – приятного аппетита!

4). "Холодное лето 1953 года".

В 1953 году советское правительство по инициативе Л. П. Берии и под его нажимом издало указ о освобождении из лагерей большого количества заключенных; это были не только "политические", но в большей мере уголовный элемент. Таким образом Берия хотел завоевать популярность для продвижения в правительственной деятельности. Бабушка помнит, что в эти

годы – 1953, -54, -55 очень страшно было ложиться спать. Почти каждую ночь к кому – то из ближних или дальних соседей то стучали в окно или в дверь, то залазили в стайку, утаскивали кур, поросёнка. В общем, бродили по дворам. Часто хозяева отпугивали их из – за закрытой двери ружьём, стреляя в воздух. Прадедушка Володя на ночь клал под подушку охотничий нож в ножнах, зарегистрированный в "Охотсоюзе". Слава Богу, до жертв дело ни разу не доходило.

5). Об инспекторах, малярии и дизентерии и ещё немного о природе.

В конце пятидесятих годов по дворам, квартирам ходило множество официальных лиц, это было часто, раза 2 – 3 в неделю. То приходит так называемый "фининспектор", делает чуть ли не обыск, выясняя, не шьёт ли хозяйка одежду "на сторону" и не скрывает ли доход от органов. То приходит другой инспектор, рыщет по стайкам и сараям, выискивая, не держат ли хозяева корову или поросёнка, не платя за это налог. То приходит с малярийной станции медработница, каждому в рот кладёт противомаларийную таблетку, то раздаёт какие – то горошины от дизентерии, то предупреждают, что к такому – то дню нужно всей семье собрать коробочки с калом, а потом в назначенный день собирает по всей улице эти коробочки в хозяйственную сумку. Поскольку жили в окружении болот, а водокачек до определённого момента не было, пользовались болотной водой для питья. Прабабушка, как "женщина прогрессивная" - ещё раз напоминаю прадедушкину шутку, воду тщательно кипятила, и никто в нашем роду никогда не болел дизентерией, а вот местное население относилось к санитарно-гигиеническим требованиям спустя рукава, и дизентерия иногда со смертельными случаями, прямо косила народ. И малярия была серьёзной проблемой для населения. Опять же из – за болот. Малярией болела половина населения. Зато моей бабушке болота доставляли только эстетические чувства. Весной, после таянья снега болота до краёв наполнены коричневой, настоянной на торфе водой до самых краёв. В этой воде отражается небо со светлыми облаками. Вскоре из воды вытягивается множество стеблей болотного растения калужницы. У неё сочная тёмно – зелёная листва и ярко – жёлтые цветы. Когда цветет всё болото - это очень красиво; затем калужница исчезает, начинается брачный период у лягушек. Уже начало лета, и на ночь от жары открывается окно и вставляют лёгкую раму с марлей от гнуса. Семья ложится спать, на улице светит луна. Вдруг слышится одиночный "квак" лягушки. Тут же откликаются ещё несколько голосов, и через минуту уже всё болото стонет от "пения" сотен лягушек. Вам может показаться, что это неприятно для "изысканного" человеческого слуха. Нет! Можно до пол – ночи лежать и слушать этот удивительный концерт с удовольствием. Замолкают лягушки лишь под утро. К тому моменту, когда на болоте заканчивается "концертный сезон", половина воды уже впиталась в торф, хорошо прогрелась, из неё выступили кочки, начинает цвести таволга, ветреница, другие цветы. Над болотом носятся тучи стрекоз. По воде можно ходить босиком и в пустую консервную банку собирать лягушачью икру. Ею во всех дворах играют дети. Из глины пекут пирожки, из глины же делают и куличики, а икра – это каша. А в болоте через некоторое время появляются

маленькие, с булавочную головку головастик с тоненькими хвостиками. Весь процесс развития лягушки проходит на глазах, т. к. ежедневно из болота берут воду для полива огородов. Вот головастик подрос, появились передние лапки, вот ещё подрос, появились задние лапки, начинает укорачиваться хвостик, он всё короче, короче, и, наконец, перед вами уже не головастик, а хорошенький лягушонок, и не успеешь ступить ногой в болото – во все стороны их прыгают десятки. Постепенно, к концу лета они вырастают во взрослых лягушек. В конце лета болото высыхает полностью, отцветают цветы, не квакают лягушки, да и вообще прячутся куда – то, исчезают стрекозы.

9. Память сердца

Прошло уже много лет. Давно умерли прабабушки и прадедушки, одни из эвакуированных не вернувшиеся в Керчь. Дело в том, что сразу после войны прабабушка заболела туберкулёзом, это задержало отъезд. Слава Богу, всё обошлось, её смогли излечить от недуга. За это время они привыкли к Сибири, прабабушке понравилась зима с морозами до пятидесяти градусов, и они остались. Но тоска по родине, конечно, была. Прадед часто вспоминал, как на керченском приморском бульваре каждый вечер играл вальс "Грёзы" Эбана духовой оркестр моряков в белоснежных парадных морских кителях и в фуражках с "золотом". Прадед попросил у капельмейстера ноты этого вальса для переложения в своём оркестре на народные инструменты, но началась война, он привёз ноты в Колпашево, всю жизнь мечтал отослать их в оркестр народных инструментов имени Гуляева, для того, чтобы этот знаменитый оркестр исполнил любимый вальс, но так и не осмелился. А однажды, уже в конце жизни он, расплакавшись, порвал эти ноты и выбросил.

СВЕДЕНИЯ О ПООЩРЕНИЯХ				И НАГРАЖДЕНИЯХ	
№ записи	Дата			Поощрения и награждения	На основании чего внесена запись (документ, его дата и номер)
	Год	Месяц	Число		
1	2	3	4	5	6
1	1933			За хорошую работу пре-	премированы путевкой в
2	1945	7	2	Молодцовою от-	срели америк.
3	1944	v	1	Тренировка за	характерно работу
4	1946	7	1	Тренировка за	характерно работу
5	1946	v	30	Награжден меде-	ллом и За доблесть
6	1946	vii	14	За хорошую работу	вредом награжден 1946

А свою родную Керчь они помнили всегда. Как-то, осенью пятьдесят третьего года прадедушку Володю за хорошую работу премировали живым поросёночком, маленьким, хорошеньким. Надо сказать, что премии часто были такие: в январе сорок пятого года "премирован американским одеялом за хорошую работу" в мае сорок четвертого года "за хорошую работу премирован отрезом на костюм", в январе

сорок шестого – "премирован за хорошую работу комбинезоном", и т. п. Это я привела записи из трудовой книжки прадедушки. Но вернёмся к поросёнку. Прадеды не знали, что с ним делать. В Крыму никогда поросят их семьи не держали и они не умели это делать. Соседки уверили прабабушку Веру, что при их консультации поросёнок вырастет. И правда, он вырос и был по размерам приличным. Стайки для скотины у них не было, но прадед отделил в холодной кладовке угол для него, набил соломой и поросёнок жил, зарывшись в солому. Но в лютые морозы он всё же обморозил себе уши и кожу на спине. А однажды, вырвавшись из своего закутка, чуть не опрокинул бабушку, сидящую в сенях на горшке. В марте пятьдесят четвертого его забили на мясо, прабабушка наделала колбас, и когда они жарились в духовке на противнях, распространяя на всю округу невиданный запах чеснока и жарящегося мяса, по какому-то делу зашел Пико Христофориди. Он потянул носом воздух и, остолбенев, воскликнул: "Вера! Это что? Домашняя колбаса?". Прабабушка приоткрыла тайну и сказала, что готовит угощение к особому случаю. И вот, 10 апреля 1954 года были созваны гости, впервые после окончания войны. Прабабушка к этому случаю сшила из белого простынного полотна "парадную" скатерть с семейным вензелем, 12 салфеток, накрыла стол "по-европейски": сыр, балык осетровый, нарезанный тонкими ломтиками, заливное мясо, огурчики-пикули, что-то ещё. И на горячее – румяная, с хрустящей корочкой, брызгающая жиром домашняя колбаса с пюре. Гости – вся семья Христофориди и ещё несколько не уехавших пока керчан. Поднялся прадедушка со стаканом вина в руке (фужеров ещё не было; водки в доме не держали) и сказал, что они (с прабабушкой) для своих земляков устраивают праздник, т. к. именно в этот день, 10 апреля 1944 года была окончательно освобождена их родная Керчь от немецко-фашистских захватчиков. Все были ошеломлены, кто-то прослезился.

И всё стремился прадед побывать в Керчи, посмотреть на своё "кодло", т. е. всю родню. Это слово – "кодло" - из керченского еврейского жаргона.

Эту его мечту осуществила моя бабушка, со слов которой я пишу всё это. Она в 1972 году ездила в Керчь, в Севастополь, в Старый Крым, объехала оба "кодла" - т. е. и Пушкарёвых, по линии отца, и Черкасовых, по линии матери. Видела всех Христофориди и Фейзопуло. Многих уже не было в живых. А прабабушка Вера в 1948 году, никогда более не бравшаяся за "перо", написала стихотворение. В нём – боль души и тоска по покинутой родине. (см. приложение №3)

Крым.

*Как бой барабана, как голос картечи
Звучит это грозное имя – Крым.
Взрывом оно отдаётся у Керчи,
У Качи – трещанием крыл.*

*Конским рыском по бездорожью,
Криком походных атак,
Горным эхом, степною дрожью,
.....*

*Гром! Искалеченные батареи!
Гром! Батальоны поднятых рук
Всё дальше, дальше! Быстрее, быстрее
.....отступает круг.*

*И вот перед нами каменный хаос.
Хазарским карком кличут орлы.
Овчарки навстречу бегут, задыхаясь,
А в них – аромат яйлы.*

*И сердце забьется чаще и чаще,
Жду, замирая, как от любви,
Жду, как свиданья, как острого счастья
Блеска морской синевы.*

*Вот поднимается меж тополями
Медленным уровнем с трёх сторон
В голубизне серебристое пламя. Сон...*

*Море! Снова покой этих линий,
Таянье красок одних.
Его(?) ласково звали мы "Синий",
Запросто, как называют родных.*

*Море, море, Крымское море,
Юности моей сон.
Тут мать, бывало, в тоскливом изломе
Ждала видения парусов.*

*Тут дедушка в астме, похожий на рыбу,
Всё морское считавший за блажь,
Раскрывши Библии пухлую книгу,
Сдувал со страницы пляж.*

*Тут мои сёстры под утренним бризом
С купаленных свай обдирали улов,
А дома с лавровым листом и рисом
Из мидий варили плов.*

*Тут моя девушка шла, бледнея,
По зонду(?) у самой воды,*

*И сладострастные волны за нею
Лизали божественные следы.*

*Крым, золотой ты мой, задушевный,
Наши отвоёванный кровью Крым.
И что из того, что твои деревни
Осыпаны пеплом седым?*

*Что не узнаешь теперь Коктебеля,
Что изуродован Симеиз.
Не это ли небо при нас голубело?
Не этот ли пеннлся мыс?*

*Разве угнали канал(?) Балаклавы?
Вывезены(?) призраки древних времён?
Может быть, гул Севастопольской славы
Гитлером отменён?*

*Как хорошо, что не всё на свете
Можно прибрать к рукам!
Запахи, шорох прибоя, ветер...
Не покорились вы жадным врагам!*

*Те же утёсы, прежние чащи,
"Синий" по – прежнему необозрим.
И если очень захочется счастья,
Мы с вами поедem в Крым.*

Остаётся добавить, что бабушка моя, с которой я живу и со слов которой я пишу эти "мемуары" - это Коновалова Ольга Владимировна, учитель, пенсионерка. Её муж – мой дедушка – Коновалов Виктор Николаевич – инженер, пенсионер, очень грамотный баянист. Есть ещё их сын, мой дядя Николай Викторович, работник железнодорожного транспорта, есть моя мама, Вера Викторовна, тоже работающая на железной дороге, и есть тётя, Татьяна Викторовна, музыкант, преподаватель фортепиано, дважды удостоенная звания "Лучший концертмейстер". Я в этом году заканчиваю 11 класс и музыкальную школу по классу фортепиано и поступаю в Томское музыкальное училище по классу "Вокальное пение". В нашей семье всегда звучат музыка и пение. И в такие моменты мне всегда кажется, что это мои предки принесли и продолжают нести в наш дом, в заснеженную Сибирь, музыку, рождённую на берегах далёкого тёплого Чёрного моря, и что музыка всё же немного скрасила собой невзгоды и печальные события в жизни моего народа и моей многонациональной страны.

Приложение.

**СВИДЕТЕЛЬСТВО
О РОЖДЕНИИ**

повторное

РОДИТЕЛИ:

Отец: Зеркасов Иван
Калишевич
(фамилия, имя, отчество)

национальность: К

Мать: Зеркасова Мария
Петровна
(фамилия, имя, отчество)

национальность: К

Место регистрации: с. Сертово
Горьковского района
(наименование и местонахождение бюро ЗАГС)

Гр. Зеркасова Вера
Ивановна
(фамилия, имя)

родилась (лиц) 7-го 1919 года мая
(принимая и цифрами год, месяц и число)
га девятисот сорок
пятьдесят седьм

Место рождения ребенка: город, селение Сертово

район Красносл область, край,
республика Красносл

о чем в книге записей актов гражданского состояния
о рождении 19 14 года августа месяца
14 числа произведена соответствующая запись
за № 76

Дата выдачи 12 1 1957 г.

М. П. ЧЕ № 205378

Заведующий Бюро записей актов гражданского состояния Орлемиш

№1

**СВИДЕТЕЛЬСТВО
О РОЖДЕНИИ**

повторное

РОДИТЕЛИ:

Отец: Гичикарев Аким
Кекаладович
(фамилия, имя, отчество)

национальность: К

Мать: Гичикарева Мария
Антоновна
(фамилия, имя, отчество)

национальность: К

Место регистрации: с. Сертово
Горьковского района
(наименование и местонахождение бюро ЗАГС)

Гр. Гичикарев Владимир
Акимович
(фамилия, имя)

родилась (лиц) 13-го 1919 года мая
(принимая и цифрами год, месяц и число)
га девятисот тринадц
атого года

Место рождения ребенка: город, селение Сертово

район Красносл область, край,
республика Красносл

о чем в книге записей актов гражданского состояния
о рождении 19 13 года июня месяца
13 числа произведена соответствующая запись
за № 128

Дата выдачи 12 1 1957 г.

М. П. ЧЕ № 205376

Заведующий Бюро записей актов гражданского состояния Орлемиш

№2

Список использованной литературы.

1. Домашний архив: документы, фотографии, дневники;
2. Город Томск. Дмитриенко Н. М. , 2000 г. ;
3. Из истории земли Томской. Сборник документов и материалов, 1981 г. ;
4. Колпашевский район. Прошлое и настоящее. Сост. Былин В. А. , 2004 г. ;
5. Столетие Томского областного музыкального училища. Авт. и сост. Воробьева Н. А., "Асиновское полиграфическое объединение" 1993 г.